

История философии.

49. Реакции на Дэвида Юма.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Хорошо, в прошлый раз я говорил, что сегодня мы начнем с повторения этики Юма, чтобы дать возможность для обсуждения и обратной связи, и мне кажется, что это подходящий способ в любом случае представить философов морального чувства XVIII века, на которых мы ссылались по ходу дела. Итак, позвольте мне начать с повторения этики Юма. Вы помните, что главный вопрос заключался в том, основана ли мораль на разуме или на чувствах, разуме или чувствах.

И совершенно очевидно, что вариант, согласно которому это основано на разуме, — это вариант Джона Локка и кембриджских платоников, с их, разумеется, врожденным знанием. Что касается Юма, то вопрос заключается в том, что мы подразумеваем под разумом. Он связан с отношениями идей и фактов.

Да, в контексте отношений идей разум может помочь определить этические термины и связать этические понятия. Вот и всё. А в плане фактов он может помочь в эмпирических прогнозах, предсказаниях последствий, отсюда и его акцент на принципе полезности.

Но когда дело доходит до этого, становится ясно, что факты могут рассказать вам о том, какова на самом деле ситуация, с которой вы столкнулись. Что, вероятно, произойдет, если вы предпримете определенные действия? Но как перейти от «есть» к «должно быть»? И заслуга Дэвида Юма в том, что в истории этики он первым действительно поднял этот вопрос.

о том, что есть и что должно быть, как мы его называем. Ранее предполагалось, что существуют определенные объективные, интеллектуально доступные моральные истины, которые в некотором смысле несут в себе собственное «должное» или же представляют собой «должное», которое Бог им возложил, если эти истины касаются Божьих заповедей, Божьей воли. Но Юм, не имея такой религиозной основы для этики, как эмпирист, придерживается принципа выведения этических обязательств исключительно из эмпирических данных.

Понимаете? Как из «есть» получить «должно быть»? И это проблема, которая преследует эмпирически ориентированную этическую теорию со времен Юма и до середины XX века и даже позже. Мы будем возвращаться к ней снова и снова. Мне кажется, проблема связана с тем, что эмпиризм, о котором говорит Юм, по сути, является методом эмпирической науки.

Он считает это методом Ньютона. Проблема в том, что в XVIII веке научная концепция считалась нейтральной с точки зрения ценностей . Видите? Или, если хотите, что мир , который исследует наука, ньютоновская Вселенная, — это мир, свободный от ценностей.

Мир фактов, лишенных каких-либо ценностей. И действительно, если в ньютоновской картине у вас есть только частицы материи и слепые силы, действующие в природе, то в природном мире нет никакого внутреннего смысла. Понимаете ? Теисты, как и Ларк Декарт ранее, видят в механизмах природы замысел Божий.

Но если у вас есть только механизмы природы, то вы получаете мир, лишённый какого-либо морального значения сам по себе. Понимаете ? И я думаю, из этого следует, что если это так, то ценности возникают только благодаря своей инструментальной ценности как средства достижения чего-то другого, отсюда и утилитаризм. Как средство достижения какой-то цели, которую вы утверждаете, постулируете, но у вас всё ещё остаётся вопрос, как получить то, что вы должны делать, то, что должно быть, из того, что есть.

Существует моральное обязательство. Однако, что касается источника морального обязательства, а также морального знания, знания о том, что хорошо, ему приходится обращаться к чувствам. Таким образом, хотя разум действительно вносит свой вклад в эти вопросы, и особенно в плане знания о полезности альтернатив, именно к чувствам ему приходится обращаться , чтобы выявить любое моральное обязательство.

А помните картину, о которой мы говорили? Какие чувства или эмоции она вызывает? Ну, изначально речь идёт о доброжелательности, универсальном, естественном чувстве доброжелательности, буквальном желании добра другим. Это контрастирует с откровенным эгоизмом таких людей, как Гоббс.

В природе есть доброжелательность. Почему именно доброжелательность? Как он это объясняет? Какова психология доброжелательности? Она включает в себя чувства удовольствия или боли по поводу того, что происходит с другими людьми, что мы описываем, говоря о чувстве сочувствия. Сочувствие, которое мы испытываем из-за фактического сходства, эмпирически наблюдаемого между нами и другими людьми, переживающими трудные времена, так что в основе сочувствия лежит значительная доля эгоизма.

Таким образом, хотя доброжелательность сама по себе не сводится к эгоизму, она связана с ним. Здесь присутствует некое сочетание эгоизма и альтруизма. Все это – чувства, моральные установки, впечатления от размышления, если хотите.

Именно из этого и возникает чувство должного, так что должное означает просто то, что я чувствую, что должен, я хочу, чтобы у них было благо, и так далее. И в основе этого лежит оттенок эгоизма. Вот, в двух словах, что такое этика Юма.

Таким образом, правила, которые в совокупности обеспечивают справедливость, вытекающие из этого, по своей сути являются утилитарными. Он называет эти правила законами природы. Но законы природы — это то, что нам нужно ради пользы в данном контексте.

Что ж, позвольте мне сделать паузу, чтобы узнать вашу реакцию на то, что мы делали в прошлую пятницу. Да? Откуда он взял это «должно быть»? Да, в конце концов, любая этика — это больше, чем просто описание того, что люди на самом деле делают. Это не этика.

Это социология. Нет, если вы хотите говорить об этике, вы говорите о чем-то нормативном. Что я должен делать? Какое благо я должен стремиться совершать? Почему быть добрым? Почему делать добро? Вот в чем вопрос, понимаете.

Извечный вопрос. И ответ Юма таков: у нас есть внутреннее побуждение к этому. В этом смысле «должное» является самонавязанным, тогда как для Гоббса в ситуации с Левиафаном в конечном итоге оказывается, что, хотя оно и возникает из своего рода самонавязанного договора, оно оказывается социально навязанным Левиафаном.

В этике «Божественного повеления» должное — это воля Бога, данная свыше. Но у Юма с его этическим субъективизмом это скорее самоналоженное правило. Из этого не делают вывод, что он этический релятивист.

Нет, потому что универсальное сходство психологии заключается в том, что один и тот же вид доброжелательности характерен в разной степени для всех людей. Поэтому он пытается найти основу для морали, для морального обязательства, которая была бы универсально одинаковой. А для этого нужно искать нечто универсально схожее.

И он обращается к психологии человека. Дэвид, возникает ли чувство сочувствия обязательно только из-за боли, которую испытывает другой человек? Разве в нашем обществе нет людей, которые получают удовольствие, видя страдания других? Ну, видите ли, если это так, то вы бы сказали, Дэвид, что есть люди, чья естественная доброжелательность совершенно альтруистична, не связана с их собственным удовольствием и болью? Тогда вы столкнетесь с расхождением во взглядах на психологию человека.

Как бы вы аргументировали свою точку зрения? Как бы вы аргументировали свою точку зрения? Его? Ну, в тот же момент, и мы еще немного поговорим о нем позже, вы, возможно, помните из вашего вводного курса, возможно, Дэйв, я не знаю, читали ли другие тот же отрывок на своих курсах, но у Джозефа Батлера есть классический ответ на этический эгоизм, или, скорее, на психологический эгоизм, точку зрения, согласно которой каждый превыше всего преследует свои собственные интересы. Его ответ не в том, что существуют какие-то человеческие действия, полностью игнорирующие собственные интересы. Нет.

В ответ он говорит, что они могут иметь отношение к себе, но главной целью таких действий является не эгоизм, а цель, к которой человек стремится. Это не эгоцентризм. Эгоизм говорит об эгоцентризме.

Нет, но даже Батлер, главный противник эгоизма в этом контексте, не говорит даже о самореферентности. Нет, он это допускает. И я думаю, если это допустить, это разрядит ситуацию, потому что эгоистическая реакция скажет: «Ну разве вы не получаете какое-то удовлетворение от того, что видите, как другие люди хорошо ладят друг с другом, если вы к этому приложили руку?» Понимаете? Да.

Да, это так. Нет. Гораздо приятнее и приятнее видеть людей, которые могут сводить концы с концами, чем видеть, как они голодают.

Знаете, это больно. Нужно учитывать подобные явления. Поэтому фактический вопрос сводится к тому, существуют ли какие-либо действия человека, которые полностью игнорируют все возможные корыстные интересы? И Батлер склонен ответить отрицательно.

Видите ли, эгоизм — это не убеждение в существовании личной выгоды, а убеждение в том, что личная выгода является доминирующей, всепоглощающей, окончательной и всепоглощающей. Так что, думаю, меня это не беспокоит. Но я больше думал о том, что речь идет не о ком-то, кто является полной противоположностью, о ком-то настолько одиноком, что получает удовольствие, зная, что получит удовольствие, наблюдая за страданиями других людей.

О, злобный. Да, злобный. О.

Да, я думаю, Юм бы возразил: нет. Даже Батлер и ему подобные, хотя есть и очень садистские извращенцы, которым нравится наблюдать за чужими визгами, у них всё же есть определённая доля доброжелательности к кому-то,

пусть даже всего лишь к домашней собаке. Эта доля доброжелательности никогда не искореняется полностью.

Гангстер, который так нежно относится к собственным детям, но без колебаний убивает множество других людей. Гитлер, который был очень нежен со своей девушкой. Что ж, это вопрос психологического факта.

Что-нибудь ещё? Хорошо, вы понимаете, что делает Юм? Ладно, тогда позвольте мне перейти к следующему пункту и немного рассказать о моральном чувстве философов XVIII века. Четверо из них я уже упомянул. На самом деле, конечно, их было гораздо больше.

Но вот эти четверо: граф Шефтсбери, Фрэнсис Хатчесон, Адам Смит — тот самый Адам Смит из «Богатства народов», он был профессором моральной философии в Эдинбурге, написал книгу по теории нравственных чувств, и Джозеф Батлер. Джозеф Батлер был англиканским священником, служившим в городской церкви в Лондоне. Большая часть его этических трудов, дошедших до нас, — это проповеди, которые он произносил.

На мой взгляд, они больше похожи на философские лекции, чем на проповеди. Но это было в XVIII веке, наверное. Хорошо, а теперь о данной школе мысли, о философах, изучающих моральное чувство.

Подобно Дэвиду Юму, они укореняют этику в человеческой психологии, в моральной психологии. Они утверждают, что помимо пяти чувств у нас есть еще и некое моральное чувство. Некое моральное чувство, чувство.

Как мы отмечали в прошлый раз, сам Юм использует фразу «моральное чувство», говоря о чувствах в своем случае. Эта философия морального чувства, по-видимому, возникла в противовес эгоизму Томаса Гоббса. И в этом отношении она, в некотором смысле, подхватила эстафету у кембриджских платоников XVII века.

Мы немного говорили об этом, когда обсуждали Локка. Кембриджские платоники, конечно же, со своими врожденными идеями, противостояли механистическому взгляду на природу. Это были представители широкой церковной традиции в англиканской традиции.

Но, веря в подлинные универсалии, а следовательно, и в объективно подлинные этические идеалы, кембриджские платоники были на 100% против Томаса Гоббса. Однако не только против Томаса Гоббса. Они также были против сильного кальвинизма, процветавшего во времена Кромвельской республики.

Это справедливо и для философов, изучавших моральное чувство в XVIII веке. Им противостоял строгий кальвинизм с пессимистическим взглядом на человеческую природу, утверждавший, что в человеке нет природной доброты.

Мы все совершенно эгоистичны. Видите, в чём проблема? Эгоизм против альтруизма. Помню, когда учился в аспирантуре, слушал лекцию одного из потомков философов морального чувства начала XX века, британца по имени Брод, БРОУД, К. Д. Брод.

Он читал лекцию на тему: эгоизм или альтруизм? Он утверждал, что является либо эгоистичным альтруистом, либо альтруистичным эгоистом, сам он не был до конца уверен. Но метод его рассуждений заключался в обращении к тому, что казалось ему совершенно очевидным. Иными словами, у нас есть моральное чувство, которое позволяет нам, когда мы понимаем ситуацию, осознавать, что правильно.

Моральный смысл. Да, в Во времена Брода это называлось интуицией. Поэтому потомков этой идеи в XX веке называют этическими интуиционистами.

Позже мы познакомимся с ещё несколькими из них : Дж. Э. Муром, У. Д. Россом.

Но философы, изучающие чувство морали, предвосхищая это, говорят о естественной доброжелательности, присущей нашей моральной чувствительности. Мы доброжелательны благодаря этому чувству морали, этой моральной способности. Которая позволяет нам отличать добро от зла.

Моральная способность действительно выполняет три функции. Она позволяет нам воспринимать моральные качества действия или ситуации. Она позволяет нам одобрять или не одобрять это действие или ситуацию.

И это побуждает нас поступать правильно в данной ситуации. Таким образом, это включает в себя восприятие, моральное восприятие, знание того, что правильно, что хорошо. Моральное одобрение, вынесение моральных суждений.

И моральная мотивация. Таким образом, как вы видите, моральное знание возникает именно здесь, а должное, обязанность, исходит как из суждения, так и из мотивации. И вам нужно перевести понятие долга или обязанности на мотивацию: «Я должен это сделать», — мотивацию, которая движет.

Итак, исходя из этого, благодеяние не сводится к таким вещам, как удовольствие или личная выгода, Дэвид. Оно не исключает их, но и не сводится только к этому. Для Юма оно тоже не сводилось к этому.

Моральное чувство — это нечто уникальное, неповторимое. Оно не сводится ни к какой другой человеческой способности. Это просто часть того, как Бог создал нас для функционирования.

Таким образом, хотя этический субъективизм, как у Юма, по-прежнему присутствует, он имеет теистическую основу, что делает мотивацию и одобрение гораздо более весомыми, чем это было бы в противном случае. Однако, несмотря на то, что это общая картина для сторонников морального чувства, остается важный вопрос, который их разделяет. Вопрос в том, является ли это моральное чувство по своей сути когнитивным или эмоциональным.

Это вопрос разума или вопрос эмоций? Тот же вопрос, которым занимался Дэвид Юм. И по этому поводу те, кто утверждал, что это в основном не когнитивный процесс, вопрос вкуса, вопрос чувств, хотя и универсальный, — это Шафтсбери и Хатчесон, первые двое, которых я здесь упомянул. Адам Смит тоже, хотя и не так полно, не так ясно.

Но, по крайней мере, есть такие писатели, как Томас Рид, шотландский реалист, которые обвиняют его в том, что у него этика чувств, а не знаний. С другой стороны, Батлер и, как мы увидим, Томас Рид в своей работе «Шотландский реализм», который придерживается очень похожей этики, оба утверждают, что это чувство является познавательной способностью, что это своего рода знание, а не чувство. Оно включает в себя идеи, ясные идеи, а не просто какие-то чувства удовольствия или боли.

Что именно даёт хороший вкус? Если это вкус, то что же это такое? Удовлетворение? Удовольствие? Трудно избежать упоминания удовольствия, когда речь идёт об эмоциональном аспекте. Вот по какому вопросу они разошлись во мнениях. Из этих людей, возможно, особенно интересен Джозеф Батлер, епископ Англиканской церкви, и для некоторых он интересен тем, что использует слово «совесть» для обозначения, для названия, морального чувства.

Это моральное чувство, которое есть у всех нас, — это совесть. И он прилагает огромные усилия для его развития, и вы можете увидеть, как это перекликается с тем, чем занимаются он и другие. Совесть для Батлера — это всего лишь одна из множества того, что он называет психическими склонностями.

Склонности ума. Другими словами, мы созданы с определенными способностями и склонностями. Как он говорит, это Богом данные склонности.

Тенденции, которые, функционируя, обеспечивают это моральное чувство. Эти четыре вида склонностей, прежде всего, представляют собой частные страсти, где, кажется, он говорит именно о желаниях. Желаниях удовлетворения.

Таким образом, возникают чувства, эмоции, желания, связанные с голодом, с сексом, с гневом. Особые желания к определенным объектам. Склонность к самолюбию.

Это эгоизм. Склонность к доброжелательности, любовь к другим. И четвертая склонность, которую он называет совестью.

Любовь к себе и доброжелательность служат рациональным сдерживающим фактором для наших страстей. Так, из корысти вы будете контролировать своё чрезмерное потакание своим желаниям. Из доброжелательности вы будете сдерживать свой гнев.

И так далее. Совесть, с другой стороны, — это склонность уравнивать любовь к себе и доброжелательность. Понимаете, если у вас есть два принципа, любовь к себе и доброжелательность, пытающиеся направлять страсти, как вы можете быть уверены, что любовь к себе не будет доминировать? И вы в итоге окажетесь совершенно эгоистичным существом.

Или настолько бескорыстны, что не способны функционировать. Вот тут-то и проявляется совесть, которая поддерживает баланс, выбирая цели и средства для их достижения. Совесть одновременно является познавательной в том смысле, что помогает нам воспринимать, видеть, где находится правильный баланс, но она также авторитетна в том смысле, что одобряет или не одобряет.

Это мотивирует вас. И это исходит из этого авторитетного аспекта совести, того, что один из моих учителей называл «уколом совести». Ваша совесть вас уколола.

Видите ли, именно из этого внутреннего порыва совести и рождается понятие «должно быть». Это еще один вид моральной психологии, очень похожий на психологию Дэвида Юма. С двумя, пожалуй, отличиями в случае с Батлером.

Во-первых, акцент делается на рациональном измерении, познавательном измерении морального чувства, называемом совестью. А во-вторых, склонности, структура человеческой психики, склонности ума, страсти и так далее, предназначены Богом для функционирования определенным образом. Поэтому добродетельный человек — это тот, кто функционирует наилучшим из возможных способов.

Правильно функционирующий человек — это добродетельный человек. Это звучит как Аристотель. Помните аристотелевское понимание блага как счастья? Правильное функционирование разумного существа на протяжении всей жизни? Видите ли, функционирование всей жизни происходит в соответствии с разумом.

Похоже, в этом есть что-то от аристотелевской философии, но это, по сути, моральная психология такого рода. Ладно, пожалуй, на сегодня достаточно краткого обзора философов, изучавших чувство морали. Раньше они были объектом многочисленных исследований.

Сейчас они представляют интерес скорее как историческая реакция на таких людей, как Юм и Гоббс. Скорее как предвосхищение этического интуитивизма XX века. Скорее как начало дискуссии о когнитивной и эмоциональной некогнитивной этике.

Но это интересные и значимые люди. Я думаю, что одна из их задач — помочь нам понять, что этический субъективизм, этика, основанная на моральной психологии, может обеспечить универсальную, а не относительную этику. Это так у Юма, но, мне кажется, в ещё большей степени у этих людей.

Возможно, вас заинтересует библейское использование термина «совесть». Я склонен думать, что Батлер вложил в это слово гораздо больше смысла, чем это делает Новый Завет. Там, если я не ошибаюсь, само слово, которое представляет собой синодесис, глагол *ideo* и предлог *sup*, вместе означают просто способность видеть вещи вместе, складывать два и два, выносить суждения.

Французское слово, обозначающее сознание, — это просто совесть. Сознание — это совесть. Видите ли, это просто способность выносить суждения, видеть, складывать два и два.

И мне кажется, что это основное значение довольно близко к библейскому употреблению этого термина. Совесть, конечно, не является чем-то непогрешимым, как у Пиноккио в мифологии. Это нечто размытое и очень неточное, и её нужно осознавать.

В любом случае, я думаю, Батлер идет дальше. Мне кажется, он так и не отвечает на вопрос «почему». А если это более распространенное явление, разве не должно быть ответа на вопрос «почему»? Да, я думаю, ответ есть в нескольких аспектах.

Во-первых, это дар Божий с целью обеспечения нравственного руководства. Следовательно, «должен» равно «так говорит Бог».

А вот здесь, внизу, речь идёт об одобрении или неодобрении. Потому что если это моральное чувство — способность выносить моральные суждения, типа: «это нормально, это приемлемо», «это ужасно, не делай этого», — то оно неотъемлемо от самого понятия одобрения, чувства одобрения или неодобрения.

Таким образом, способ, которым вас заставляют функционировать, словно кричит о своем приказе. Думаю, именно так он бы на это отреагировал. И если вам это кажется немного странным, мне трудно в это поверить, спросите себя, есть ли здесь кто-нибудь, или, если уж на то пошло, кто-нибудь из более широкой аудитории, любой смешанной аудитории, кто морально одобряет пытки невинных младенцев ради чисто садистского удовольствия наблюдать за их криками от мучений и за тем, как их матери сходят с ума от боли.

Очевидно, что есть вещи, против которых каждый человек будет бунтовать. В основе этого лежит психологический феномен. Возможно, есть исключения.

Как и в случае с сатанинскими элементами? Да. И тогда возникает вопрос: что делать с некоторыми из этих исключений? Просто находить другие случаи, когда они носят благожелательный характер? Или в таких случаях, как, я думаю, сказал бы Батлер, что что-то не работает должным образом? И сегодня в моральной психологии мы говорим об этом именно так.

Мы говорим, что есть определенные люди, которые по тем или иным причинам морально недееспособны. Они просто не способны различать добро и зло. У них совершенно отсутствует моральная чувствительность.

По всей видимости, по каким-то психологическим или биологическим причинам. Трой, мне интересно, как ты, особенно, не столько обладая моральным чувством логики, можешь извлечь из... содержания этого существенную, то есть нормативную, универсальную этику.

Насколько мы все можем согласиться с этим моральным смыслом логики? Да. Да. Это очень уместный вопрос.

Но я думаю, как и в любом другом вопросе о том, что является релевантным, а что универсальным, нужно проводить различие. Вы имеете в виду, будут ли все они рассматривать эти случаи совершенно одинаково, или же конкретный случай? Вы говорите о конкретном случае? Вы говорите об общих правилах в отношении областей ответственности? Например, правило против убийства? В некоторых случаях могут быть исключения, но правило против убийства все же существует. Или вы говорите о принципах, не допускающих исключений? Например, принцип благожелательности.

Потому что, на чём бы ни основывались эти принципы, релятивизм неизбежно будет присутствовать в некоторых из них. И я думаю, что философы, изучающие моральное чувство, говорят о том, что существует нечто совершенно универсальное. В целом, это моральные принципы, такие как доброжелательность.

Как, например, ограниченная личная выгода. Это общие моральные принципы, которые порождают общие правила. Я имею в виду, что то, что constitutes доброжелательность, очень субъективно.

Нет, это означает делать то, что вы считаете хорошим для других людей, и делать это из желания творить добро. Верно, но то, что вы считаете хорошим, — это субъективное понятие. Ах да, но, видите ли, то, что вы считаете хорошим, будет зависеть от множества обстоятельств в любой этике.

Возьмите заповедь: «Не убий». Что такое убийство? Включает ли это употребление в пищу курицы? Включает ли это стрижку травы? Понимаете? Нет, нужно дать определение. И, определяя это в контексте данной заповеди, становится ясно, что к общему правилу против убийства существуют исключения, которые допускаются в левитском контексте по разным причинам.

Это вопрос конкретики. Но, видите ли, этический релятивизм утверждает, что универсальных принципов вообще не существует. Определение этического релятивизма, которое вы найдёте в вводном тексте, который я использую, или в отрывке из работы Рут Бенедикт, определяет этический релятивизм как точку зрения, согласно которой все условия окружающей среды... ну, это определение этического релятивизма, которое не примет ни один этик.

Видите ли, поскольку мы признаем, что существуют ситуативные различия в зависимости от экономических условий, климата и так далее, в отношении некоторых верований и практик, никто не станет утверждать, что все эти детальные верования и практики универсально одинаковы. В Библии классическим примером этого является употребление в пищу продуктов, принесенных в жертву идолам.

Видите ли, это культурный вопрос, зависящий от контекста и так далее. Нет, релятивист скажет, что всё это относительно. А вот очень юридический абсолютист, вроде некоторых реконструкционистов, попытается довести всё до абсурда.

Видите ли, мне кажется, здесь акцент делается на библейской этике. Чего требует от вас Господь? Творить справедливость, любить милосердие, смиренно ходя пред Богом вашим.

А затем это уточняется в отношении общих областей, как в Декалоге. В отдельных случаях могут быть некоторые трагические исключения. Как, например, смертная казнь в Ветхом Завете.

Поэтому я думаю, что если спросить философов, изучающих моральное чувство, что такое абсолют, и если они могут поддерживать хотя бы общий принцип доброжелательности и ограниченного эгоизма, то в этом отношении они порвали с релятивизмом. Да, и Юм тоже. Да, и Юм тоже.

Возможно, он сделал это не так, как вам бы хотелось, но он это сделал. Нет, я думаю, что это чрезмерное упрощение христианской этики — утверждать, что в христианской этике всё абсолютно. Это просто неправда.

Это не так. Я называю это ограниченным абсолютизмом. Хорошо, что-нибудь ещё по поводу этой философии морального чувства? Ах да, я должен сказать, что такие люди, как Батлер и другие, по мере того, как они её разрабатывают, пытаются вывести общие правила и применять их к конкретным случаям.

А вот в случае с К. Д. Бродом, которого я слышал несколько лет назад, его привычка, руководствуясь общими принципами, заключалась в том, чтобы рассматривать конкретный случай. И когда он доходил до определенного этапа процесса принятия решения, после рассмотрения всех соображений, он говорил: «Мне кажется, в свете этого принципа совершенно очевидно, что нужно поступить так-то и так-то». Теперь позвольте мне сказать еще кое-что об этом подходе, основанном на моральном чувстве и интуиции.

Мне кажется, что существуют два разных вида этического интуитионизма или философии морального чувства, которые, хотя и по-разному, делят пирог на части. Один вид делает общие принципы интуитивно понятными благодаря моральному чувству. Другой же утверждает, что то, что вы делаете в конкретном случае, становится очевидным для морального чувства.

А затем, я полагаю, есть и такие, которые сочетают в себе оба подхода. Думаю, об этом говорят интуитионисты XX века. Речь идёт об общих принципах, которые известны интуитивно.

сторонники, обладающие развитым чувством морали, правы, но они могут также рассматривать и частные случаи. Я упоминал Джорджа Мура как интуитиониста XX века. Он говорит, что понятие добра — это интуитивное понятие.

Таков его принцип. Что же делать в конкретном случае? Для Мура это утилитарное решение. Оно не интуитивно понятно.

Это то, что максимизирует благо. Ну что ж, для некоторых из вас это тема для курса этической теории в следующем году. Ладно, давайте я немного поправлю это.

Теперь обратимся к эпистемологии Дэвида Юма и реакции на неё шотландского реализма. Один из вопросов, который, возможно, не давал вам покоя или, скорее, занимал всё ваше внимание на прошлой неделе, заключался в том, как избежать скептицизма Дэвида Юма, учитывая скептический вывод, который он делает из теории идей, репрезентативной теории знания. Является ли скептицизм неизбежным результатом с логической точки зрения? И является ли психология веры Юма единственным способом избежать этого окончательного вывода? Является ли его психология веры единственным выходом? Что ж, позвольте мне упомянуть пять попыток, которые развились в пост-юмовской мысли.

Для решения этой эпистемологической проблемы, несомненно, следует обратиться к подходу Юма. То есть, к психологии убеждений, имеющей прагматическую основу для убеждений.

Иными словами, есть определенные вещи, в которые просто невозможно поверить. Это психологически работает. На самом деле, если страсти развиваются естественным образом, то верить было бы самым естественным делом на свете.

Таким образом, следуя этой психологии убеждений, возникает своего рода прагматизм. Психология убеждений, которая ведет к прагматизму или параллельна ему. Здесь я имею в виду разных людей .

Наиболее очевидный пример — Уильям Джеймс, американский прагматист. Некоторые из вас, возможно, уже сталкивались с его эссе под названием «Воля к вере». Если нет, то, вероятно, столкнетесь. когда-нибудь .

В своей работе он просто утверждает, что если по какому-либо вопросу нет явных доказательств или аргументов ни с одной, ни с другой стороны, то следует обратиться к эмоциональным основаниям для убеждений. Эмоциональным в смысле, принятом в Юме. То есть, к некогнитивным основаниям.

Таким образом, вера становится просто результатом собственной психологической структуры человека. Совершенно неясно, подразумевает ли Джеймс, что это универсальная или относительная психологическая структура. И, кажется, в одних эссе он говорит об одном, в других — о другом.

Но, по крайней мере, вера — это функция психологического склада. Прагматический подход. Более ранним, чем у Уильяма Джеймса, и менее прагматичным, направлением психологии веры является Джон Генри Ньюман.

В XIX веке в Оксфорде. Кто написал книгу под названием «Грамматика для восхождения»? «Грамматика для восхождения».

Думаю, что книга в мягкой обложке, которая до сих пор издаётся, называется «Грамматика восхождения». Вот и всё. В общем, автор проводит различие между двумя видами уверенности, которые он называет уверенностью и достоверностью.

Уверенность и достоверность. Где уверенность связана с логической достоверностью. Доказательная достоверность.

А уверенность связана с психологической уверенностью. И, как и следовало ожидать, он выступает за уверенность, а не за уверенность в этих вопросах. Хорошо, это один из путей, несколько прагматичная психология убеждений.

Существует точка зрения, согласно которой некоторые убеждения психологически неизбежны. Психологически они неизбежны. Логически их можно избежать, но психологически — нет.

Теперь вы обнаружите, что нечто подобное прослеживается у многих более поздних реалистов, помимо шотландских. Вы обнаружите, например, что если кто-то не верит в реальность внешнего мира, материальных вещей, вы предлагаете ему стакан мышьяка и смотрите, что он сделает. Что-то в этом роде.

Очевидно, что их неверие — это не то неверие, с которым они живут. Дж. Э. Мур однажды рассказал о шотландском идеалисте, который сказал, что время нереально. По-видимому, когда он говорил, что позавтракал перед лекцией, он вовсе не это имел в виду.

Он вовсе не это имел в виду. А что же он имел в виду? И, очевидно, сама прагматика языка и действия такова, что в этом процессе мы делаем определенные утверждения. И парадоксально, если люди, говоря, отрицают то, что подтверждают действиями.

Таким образом, прагматика связана с практическими аспектами, неизбежными явлениями на практике. Вторая очевидная альтернатива — это отказ от репрезентативной теории. Вы знаете точку зрения, которую мы обнаружили у Декарта и Локка, и, следуя ей, непосредственным объектом нашего мышления являются просто идеи.

А если мы хотим говорить о чем-либо внementsальном, нам нужны доказательства его существования. Представление о том, что идеи отдаляют нас от реальности, можно отнести к репрезентативной теории. Альтернатива же — её отвергнуть.

Иными словами, поддерживать своего рода непосредственное осознание, непосредственный реализм. Непосредственный реализм. И именно этим занимаются эти шотландские реалисты.

Они категорически отвергают теорию репрезентации, теорию идей, и пытаются обосновать необходимость прямого реализма. Мы вернемся к этому чуть позже. Третья альтернатива — это отказ от атомизма теории идей.

Видите ли, и Локк, и Юм утверждают, что простые идеи приходят к нам незаметно, одна за другой. Бип. Бип.

Бип. А объединение идей — это совсем другое дело. Мы не сразу воспринимаем сложные идеи.

По мнению Юма, мы объединяем информацию, руководствуясь принципами ассоциации, которые мы не можем обосновать, такими как причина и следствие. Понимаете? Очевидно, что одной из альтернатив является отказ от атомизма отдельных идей и утверждение, что опыт доходит до нас скорее как гештальт, чем как серия отдельных поведенческих стимулов.

Понимаете? То есть, структурированное целое. Структурированное целое.

И вы достаточно хорошо знакомы с гештальт-психологией, чтобы понимать, что эмпирические данные, безусловно, склоняются в пользу именно этого взгляда на опыт, а не атомистического взгляда на обусловливание. То есть, отвергая атомизм идей, вам придется доказывать, что мы непосредственно осознаём целое, а не только его атомистические составляющие.

Таким образом, речь идет о непосредственном осознании взаимосвязей, таких как причинно-следственная связь. И именно этим занимаются шотландские реалисты. Они идут обоими этими путями.

Хорошо. Четвертый пункт, совершенно очевидно, заключается в отказе от номинализма. Номинализма Юма и Беркли.

И вернемся, по крайней мере, к концептуализму, подобному подходу Локхеда. Мы можем и действительно рассматриваем абстрактные идеи, такие как идея субстанции, идея пространства, идея времени и так далее. И таким образом

разрабатываем общую концептуальную схему, которая, как общая схема, может иметь эмпирическую привязку, даже если некоторые из составляющих ее концепций не имеют непосредственной привязки.

И я думаю, что нечто подобное можно обнаружить у шотландских реалистов, хотя и не так явно, как у более поздних мыслителей. У более поздних мыслителей это проявляется очень явно.

Кстати, кое-что подобное есть у Иммануила Канта, и, безусловно, у Гегеля. И, наконец, последняя альтернатива, конечно же, номер пять, — это отказ от самого эмпиризма. Утверждения о том, что наше единственное фактическое знание исходит из опыта.

Отказаться от эмпиризма. Это подразумевает введение априорных принципов, как это сделал Аристотель.

Структурные принципы, категории. Или, как говорил Платон, врожденные идеи. Что ж, Кант идет именно этим путем.

Кант вводит априорные принципы в дополнение к эмпирическим данным. И, конечно, что еще предстоит выяснить, когда мы углубимся в изучение Канта, ну, может быть, мы начнем в конце этой недели. Но что еще предстоит выяснить, когда мы углубимся в изучение Канта, так это то, насколько его способ введения априорных принципов превосходит подход Юма.

И, думаю, это зависит от того, о чём именно вы говорите в контексте Канта. Если речь идёт о его этике, то, возможно, да. Если же речь идёт о знании пространственно-временного мира, то нет.

Но это, очевидно, еще одна альтернатива. Таким образом, существуют альтернативные пути эпистемологии Дэвида Юма. Помимо его собственной, есть и другие прагматические вариации.

А ещё четыре других вида. И мы столкнёмся со всеми пятью по мере продвижения в XX веке.